
Андрей Таврический
Студенческий контракт
Автобиографическая повесть
18+

Андрей Таврический
Студенческий контракт

https://litres.ru/75010022
SelfPub; 2026

Аннотация

Симферополь, конец 1980-х. Время больших надежд, радиоэлектроники, бальных танцев и искренней студенческой дружбы. Главный герой строит планы на престижное конструкторское бюро «Фотон» и пытается разобраться в узле собственных чувств. Но череда роковых случайностей, невысказанные вовремя слова любви и внезапный распад огромной страны навсегда разводят его дороги с Тоней — женщиной, ставшей его воздухом.

«Студенческий контракт» — автобиографическая повесть-исповедь о юношеском молчании, за которое приходится платить сорока годами разлуки, и о памяти, бережно хранящей, рюши розового халата и тот самый неповторимый взгляд сквозь вагонное стекло уходящего поезда.

Содержание

Слово к читателю 4
Пролог 6
Глава 1. Первый курс 10
Эпизод 1. От ленинградской барокамеры до аудиторий СГУ 10
Эпизод 2. Общага №2 и яблочный «колхоз» 12
Эпизод 3. Матанализ, «запах керосина» и двойник Диброва 14
Эпизод 4. Персиковые сады с вершины Демерджи и весенняя повестка 16
Глава 2. Призыв и Симферопольская румба 18
Эпизод 1. Наши койки стояли рядом 18
Эпизод 2. Из шинели — на паркет 20
Эпизод 3. Благородство армейских друзей 22
Эпизод 4. Семейный причал и тишина в коридорах СГУ 24
Глава 3. Первая любовь: Лидия, Тоня и 23 февраля 26
Эпизод 1. Появление Лиды 26
Эпизод 2. Скрытый взгляд Тони 28
Эпизод 3. Перечёркнутый праздник и коварная лестница 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Андрей Таврический
Студенческий контракт

Слово к читателю

Дорогой читатель,

Книга, которую вы держите в руках, — это не художественный вымысел и не попытка приукрасить прошлое. Это моя исповедь. Мой личный контракт с собственной памятью, условия которого я не решался нарушить сорок долгих лет.

Когда-то очень давно, в середине бурных, пьянящих восьмидесятых, Симферополь казался нам центром вселенной. Мы были молоды, полны дерзких планов, собирали радиосхемы, спорили под звуки катушечного магнитофона, лепили вишнёвые вареники и поднимались на плоские крыши общежития, чтобы смотреть на мерцающие огни южного города. Нам казалось, что время бесконечно, а мир вокруг — нерушим. В моей сумке всегда лежал верный фотоаппарат «ФЭД», и я ловил в объектив лица людей, которые были для меня целой жизнью.

Но молодость бывает не только прекрасной, она бывает ослепляющей и трусливой. Раз за разом, поддаваясь карьерному прагматизму, ложным обязательствам или глупому страху, я выбирал путь наименьшего сопротивления. Я

молчал там, где нужно было кричать о своих чувствах. Я отступал, когда нужно было брать любимую женщину за руку и увозить её на край света.

Потом всё рухнуло. Страна, в которой мы родились, исчезла с карты мира, пролегли глухие государственные границы, чужие паспорта и таможни отрезали прошлое, превратив наш Симферополь в недосягаемую Атлантиду. Жизнь пошла по другому сценарию — со съёмными углами, разводами, чужими мужьями и поздним раскаянием. И весь этот неподъёмный груз невысказанных слов мне пришлось нести через десятилетия.

Эта книга — попытка вернуться на ту самую развилку судьбы у симферопольского вокзала, где когда-то были совершены главные, роковые ошибки. Она написана для каждого, кто хоть раз в жизни промолчал в решающий момент. Я делюсь этой историей с надеждой, что вы, перевернув последнюю страницу, успеете сказать свои самые главные слова тем, кто вам по-настоящему дорог. Пока поезд ещё не тронулся вдоль перрона.

Все имена и названия городов изменены.

Приятного чтения.

Андрей Таврический

Пролог

Тридцать три года я жил спокойной, размеренной жизнью в Воронеже. Прошлое казалось надёжно укрытым пеплом времени, а старые раны затянулись. Но человеческая память устроена иначе — она не умирает, она лишь ждёт своего часа.

Всё началось с череды странных, пугающих своей реалистичностью снов. Они стали приходить один за другим, ломая мой привычный ночной покой. Мне снилась Тоня. Но это не были лёгкие воспоминания юности. В этих снах она уходила, таяла в холодном тумане, словно безмолвно звала на помощь или требовала сказать то, что осталось недосказанным в далёких 1980-х. Я просыпался посреди ночи от острой, почти физической боли утраты, с бешено колотящимся сердцем, и долго всматривался в темноту ночи.

Эти ночные видения обладали такой колоссальной ментальной силой, что я понял: я больше не могу молчать. Это был знак. Именно эти сны вытолкнули меня из оцепенения. Они заставили меня включить компьютер, начать по крупицам собирать информацию о её сыновьях и, в конечном итоге, сесть за написание этой книги. Книга родилась не из праздного любопытства — её продиктовали мне мои собственные сны.

Сон первый. Я вижу себя в нашей юности. Я сплю один

на старом диване в том самом съёмном симферопольском домике на окраине. В комнату тихо, почти бесшумно, входит Тоня. Она подходит ближе, садится рядом со мной и нежно, едва ощутимо кладёт свою руку мне на плечо. В это мгновение мою душу заполняет великая, безграничная радость — та самая, из двадцати лет, когда весь мир принадлежал нам. Но это счастье длится лишь секунду.

От тепла её прикосновения я резко просыпаюсь в темноте. Реальность обрушивается на меня вместе с удушающим чувством тревоги и острой, непереносимой горечью потери — точно такой же, какую я испытал тогда, на перроне симферопольского вокзала, когда закрылись двери вагона. Внутри меня бьётся одна-единственная, абсолютно чёткая уверенность: что-то случилось. Этот сон не был ностальгией, это был сигнал бедствия, пробившийся сквозь годы.

Сон второй. Этот сон пришёл следом, оглушая своей осязаемостью. Всё происходило в пронзительном, наполненном золотом осеннем парке. Всё вокруг было усыпано багряными кленовыми листьями, пахло остывающей землёй и уходящим теплом. Мы сидели на старой деревянной скамье, и на моих коленях, обнимая меня за шею, сидела Тоня. Мы целовались — так истово и глубоко, словно пытались этим поцелуем перечеркнуть, простить и искупить все тридцать три года нашей разлуки. В те секунды мою душу переполняло такое абсолютное, звенящее счастье, какого земля просто не вмещает. Я чувствовал её тепло, её дыхание, реальность

этого момента была неоспорима.

Но прямо посреди этого торжества любви произошло нечто страшное. Вдруг, без единого звука, очертания её лица начали бледнеть. Тоня стала стремительно таять и растворяться в моих руках, превращаясь в холодный, невесомый туман. Я сжимал пальцы, пытаясь удержать её, но обнимал лишь пустой осенний воздух. Безумное чувство радости в одно мгновение сменилось дикой, разрывающей грудь болью невосполнимой утраты. Я снова проснулся в темноте, задыхаясь от осознания, что она ускользает от меня не просто во времени, а где-то там, в реальной жизни.

Сон третий.Последний сон пришёл как финальный удар, окончательно стёрший грань между прошлым и настоящим. В нём отображалось наше время. Я шёл по знакомой дороге к дому своих родителей. Навстречу мне вышли отец и мама — они выглядели удивительно, лет на двадцать моложе своего возраста, а рядом с ними шла Тоня. Она была не той двадцатилетней студенткой из СГУ, а взрослой женщиной из сегодняшнего дня. Родители остались позади, а мы с Тоней начали вдвоём спускаться по длинной уличной лестнице.

Она повернулась ко мне и тихо, спокойно сказала: «Я всё знаю про Лену... Я была у неё и видела памятник». От этих слов по сердцу полоснул холод — моя родная сестра Лена ушла из жизни два года назад, и Тоня каким-то непостижимым, ментальным образом узнала об этом там, в пространстве сна.

Мы спустились к подножию лестницы. Я остановился, повернулся к ней лицом и бережно взял её за плечи. Из груди вырвался вздох горькой нежности: «Тонечка, ты такая худенькая...». Она ничего не ответила. Вдруг её взгляд скользнул мне за спину, через моё плечо, и в её глазах я увидел первобытный, запредельный страх. Озадаченный её взглядом, я резко обернулся посмотреть, что там. По дороге шли девушки — дорожные рабочие. Они неистово мели асфальт, и из-под их мётел поднималось огромное, удушливое облако серой пыли и чёрного дыма, закрывающее горизонт.

Я в панике обернулся назад, к Тоне, но её уже не было. Она исчезла, мгновенно растворилась в этом нахлынувшем воздухе. Сердце оборвалось. Я бросился искать её повсюду, кричал её имя, бегал по уличным переулкам, ворвался в дом — но её не было нигде. Абсолютная пустота.

Я проснулся в холодном поту. Часы показывали предрассветный час. Боль, тревога и мистическое присутствие Тони в моей жизни достигли критической точки. Этот дым, этот страх в её глазах, весть о покойной сестре — всё кричало о том, что медлить больше нельзя. Именно это ночное пробуждение заставило меня сесть за компьютер, начать искать зацепки и писать эти страницы. Я понял: моя книга — это единственный способ пробиться к ней сквозь дым и пыль этого мира, донести до неё недосказанное, и если я этого не сделаю, то мне не будет покоя.

Глава 1. Первый курс

Эпизод 1. От ленинградской барокамеры до аудиторий СГУ

1982 год стал для меня временем первых серьёзных испытаний и крушения юношеских планов. Едва отгремели школьные выпускные экзамены в моём родном крымском посёлке Черноморском, как я отправился в Ленинград — штурмовать Высшее военно-морское училище. Тогда казалось, что вся моя будущая судьба неразрывно связана с морем, формой и офицерской выправкой.

Я выложился без остатка. Прошёл строжайшие медицинские комиссии, сдал все жёсткие нормативы по физической подготовке и даже выдержал испытание барокамерой. По профильным предметам — физике и математике — я получил уверенные пятёрки и четвёрку. До заветного зачисления оставался всего один шаг, но споткнулся я там, где меньше всего ожидал: срезался на вступительном сочинении.

Обида была жгучей, до комка в горле. Я потратил на эту попытку колоссальное количество физических и душевных сил, и провал на самом финише буквально выбил почву из-под ног. Пришлось возвращаться домой, к родителям, и

подавать документы в Симферопольский государственный университет.

Честно говоря, поступал я в СГУ по чистой инерции. После ленинградского марафона я был эмоционально истощён до предела, внутри царила глухая пустота, и особого рвения я не проявлял — мне было почти всё равно, чем закончится эта кампания. На наш поток набирали сто человек (к слову, до выпуска спустя годы дошли лишь около тридцати — учёба оказалась не из лёгких). Конкурс в тот год был небольшим, и я без особого труда сдал экзамены и увидел свою фамилию в списках зачисленных.

Но стоило мне впервые переступить порог университета в качестве студента, как прежняя апатия начала отступать. Атмосфера здесь была совершенно особой. Огромные, светлые поточные аудитории, бесконечные коридоры, множество научных лабораторий со сложными приборами — весь этот мир дышал большой наукой. Даже сам воздух в стенах СГУ был пропитан ни с чем не сравнимым, особенным университетским запахом — смесью старых книг, мела, озона от приборов и молодой, пьянящей свободы.

Эпизод 2. Общага №2 и яблочный «колхоз»

Меня поселили в студенческое общежитие №2. Это было старое, видавшее виды пятиэтажное здание, ставшее общим домом для физиков и математиков. Поначалу я оказался в одной комнате с весёлыми, шумными ребятами.

Вчерашние школьники, мы все разом вырвались из-под плотной, ежедневной опеки родителей и впервые в жизни вдохнули пьянящий воздух полной, ничем не ограниченной свободы. Разумеется, распорядиться ею с умом получалось не сразу — как водится в такой компании, мы быстро почувствовали вкус взрослой жизни и начали заметно злоупотреблять алкоголем, с размахом отмечая сам факт нашего студенчества.

Но безудержное веселье в общажных стенах продлилось недолго. По незыблемой советской традиции, едва начался учебный год, весь наш первый курс сняли с лекций и отправили в колхоз — убирать урожай яблок. Настоящая студенческая жизнь начиналась не в аудиториях, а в крымских садах, среди ящиков со спелыми плодами, осеннего солнца и полевой романтики.

Именно эта совместная работа, общие обеды и вечерние посиделки по-настоящему сдружили наш курс. Там, среди

яблоневых рядов, я и познакомился с двумя парнями, которые на долгие годы стали моими близкими товарищами, — с Павлом Савченко и Володей Степановым.

Эпизод 3. Матанализ, «запах керосина» и двойник Диброва

После возвращения из колхоза началась настоящая, напряжённая университетская учёба. И тут я сразу почувствовал разницу между городскими школами и своей родной поселковой, где часто менялись учителя и многие предметы приходилось осваивать самостоятельно. Как выяснилось, моего школьного багажа с лихвой хватило для поступления, но на лекциях по математическому анализу на меня обрушился совершенно незнакомый, сложный мир. Многие вещи казались непонятными, и поначалу я откровенно «поплыл».

К тому же шумная, весёлая компания в моей первой общажной комнате явно не способствовала ночным бдениям над конспектами. Быстро поняв, что дело всерьёз пахнет керосином и дело может кончиться отчислением после первой же сессии, я проявил характер: договорился с одним парнем, поменялся с ним местами и переехал в другую комнату.

Там царила спасительная, рабочая тишина. В этой спокойной обстановке я засел за учебники и начал шаг за шагом подтягивать хвосты, разбираясь в дебрях высшей математики. Забавная деталь из того времени: моим новым соседом по комнате оказался парень с пятого курса, который поразительно, до мелочей был похож на молодого Дмитрия Диб-

рова. Спокойный быт и пример старшего товарища сделали своё дело — я втянулся в ритм и устоял.

Эпизод 4. Персиковые сады с вершины Демерджи и весенняя повестка

Первая зимняя сессия пролетела как во сне. Я её, конечно, сдал и удержался в университете, но стипендии уже лишился. Впрочем, в двадцать лет отсутствие стипендии воспринималось не как трагедия, а как повод быстрее научиться крутиться.

А весной Крым окончательно вступил в свои права, и мы нашим курсом решили выбраться в горы. Пошли не все, но поход получился по-настоящему замечательным. Мы поднялись на вершину горы Демерджи, откуда открывался захватывающий, шикарный вид на лежащую внизу Алушту, бескрайнее синее море и розовые облака цветущих персиковых садов. Впечатления от того дня остались незабываемыми — казалось, впереди у нас целая вечность и беззаботная студенческая молодость.

Но вскоре беззаботность оборвалась в один миг. Всем нам, парням призывного возраста, вручили повестки в военкомат. В 1983 году студенческая бронь уже не спасала: нужно было срочно проходить медкомиссию и готовиться к отправке в войска.

На носу была летняя сессия, и нам разрешили сдавать её

досрочно. Узнав, что нас забирают в армию, многие преподаватели пошли навстречу и поставили зачёты и экзамены автоматом. Правда, расставаясь, они строго предупредили нас: эти оценки — лишь доверительный аванс, и после дембеля, вернувшись за парты, учиться придётся с удвоенной силой.

Так закончился мой первый курс. Впереди ждали солдатские сапоги, каунасская учебка и два года, которые навсегда разделят жизнь на «до» и «после».

Глава 2. Призыв и Симферопольская румба

Эпизод 1. Наши койки стояли рядом

Лекции, зачёты, шумная студенческая суета и общие надежды — всё это оборвалось в один день, когда нас одновременно призвали в ряды Вооружённых сил.

Судьба распорядилась так, что из родного Крыма нас отправили служить в Прибалтику, в учебную часть города Каунаса. Там, среди железной дисциплины, строгих уставных правил и бесконечных марш-бросков, окончательно закалилась и проверилась наша мужская дружба. Мы были практически неразлучны: в казарме наши кровати стояли строго рядом, и по ночам, после изнурительных армейских будней, мы шёпотом вспоминали далёкий тёплый Симферополь. В те часы мы вовсю мечтали о гражданской жизни, увлечённо проектируя создание принципиально новой, уникальной цветомузыкальной установки — радиоэлектроника и конструирование Павла интересовали так же страстно, как и меня.

В нашей учебке был один любопытный момент. Как-то к нам в роту перевели новобранца по фамилии Андрюкин —

его имени я, к великому сожалению, уже не помню. Всё командование части носилось с ним как с «писаной торбой». Как выяснилось позже, он оказался близким родственником знаменитого советского танцора.

Появление Андрюкина ещё там, в каунасской казарме, стало своего рода предвестником. Мы тогда ещё не знали, что именно с его подачи спустя годы впереди нас ждут жаркие студенческие репетиции и незабываемая румба с Моникой на сцене СГУ.

Вскоре после учебки меня и Павла распределили по разным строевым частям, но эта каунасская спартанская закалка и преданность друг другу остались с нами навсегда.

Эпизод 2. Из шинели — на паркет

В сентябре 1985 года мы — возмужавшие, повзрослевшие, но всё такие же, верные армейские друзья — благополучно вернулись в стены СГУ и восстановились на второй курс. Нас поселили в новое, недавно введенное в эксплуатацию общежитие №6. Тот год был незабываемым: в огромной стране только-только начиналась эпоха больших перемен, и этот пьянящий дух новизны и надежды отчётливо ощущался в каждом университетском коридоре. Мирная гражданская жизнь закружилась сплошным ярким потоком, пока однажды в этом потоке не появилась Моника.

Моника была особенной. Невысокая, с роскошной копной выразительных тёмных волос, огромными внимательными миндалевидными глазами и тонкими, словно искусно очерченными помадой губами, она обладала удивительной, врождённой грацией. Когда она внезапно предложила мне записаться в университетскую секцию бальных танцев, я сначала искренне растерялся: где я, вчерашний солдат, только что сменивший тяжёлые кирзовые сапоги на гражданские туфли, и где утончённый, скользкий паркет? Но её уверенность была заразительной.

— У тебя всё обязательно получится, вот увидишь! — мягко улыбнулась она, и эта улыбка предопределила мою жизнь на ближайшие месяцы.

Мы тренировались в душных залах до седьмого пота, и наши изнурительные усилия вскоре дали плоды — нас утвердили на выход на большую сцену. В тот праздничный вечер Моника выглядела поистине ослепительно. На ней было летящее, воздушное белое платье на тонких бретельках, украшенное аккуратным тёмным кантом по лифу, а в пышную короткую стрижку был бережно вколот белый цветок, выгодно подчёркивающий её изящный, тонкий профиль.

Звуки страстной румбы мгновенно заполнили притихший зал. Мы с Моникой двигались безупречно, в такт, её белые туфельки на каблуках едва касались дощатой сцены, а зрители словно заворожённые следили за каждым нашим шагом. Под гром аплодисментов мне хотелось, чтобы этот прекрасный танец длился вечно. Павел тогда сделал из зала несколько отличных фотографий, навсегда сохранив этот триумф для нашей истории.

Эпизод 3. Благородство армейских друзей

Но реальная жизнь, в отличие от сценического танца, редко подчиняется строгим законам хореографии. Павел, мой верный армейский друг, в наших изматывающих репетициях участия не принимал и на паркет никогда не выходил. Он покорял окружающих совсем другим — своей благородной, утончённой, интеллигентной внешностью. Высокий, статный, с мягкими вьющимися волосами, он был поразительно похож на популярного актёра тех лет Игоря Костолевского.

Вскоре между нами троими незаметно сложился тот самый классический, мучительный студенческий треугольник. И окончательный женский выбор Моники в итоге пал на Павла.

Для меня это решение стало серьёзным, болезненным испытанием. Чувства к Монике ярким пламенем горели глубоко внутри, но предать друга, с которым я делил последний кусок чёрствого хлеба в учебке и спал плечом к плечу на соседних койках, я просто не имел права. Да и Павел ценил наше братство слишком высоко. Мужское благородство и общее армейское прошлое оказались сильнее эгоистичной юношеской ревности. Наша троица не распалась, мы продол-

жали нормально и тепло общаться, но наши с Моникой занятия бальными танцами после этого постепенно сошли на нет.

Я стал частым гостем в их комнате в общежитии СГУ. Моника оказалась потрясающей, на удивление заботливой хозяйкой. Из самых простых и скромных продуктов, доступных советским студентам в середине восьмидесятых, она умудрялась сотворить невероятно уютные, почти домашние ужины. Мы садились за стол все втроём, включали магнитофон, и из динамиков тихо лились душевные мелодии. Под эту музыку в полумраке скромной комнаты мы вели бесконечные разговоры: часами спорили о литературе и новинках кинематографа, обсуждали пары, шутили и делились планами на грядущую жизнь.

Я смотрел на Монику и Павла и постепенно понимал: пусть мы с ней блистали в паре на сцене, в реальной жизни судьба соткала совсем другой, по-своему очень тёплый союз, который мы смогли сберечь и уважить благодаря нашей крепкой армейской дружбе.

Эпизод 4. Семейный причал и тишина в коридорах СГУ

События в то время развивались стремительно, как это часто бывает в летящей юности. Павел и Моника приняли своё главное, взрослое решение — они сыграли свадьбу, официально став мужем и женой. Моника сменила девичью фамилию и стала Савченко. Вчерашние беззаботные посиделки в общаге под катушечный магнитофон окончательно сменились серьёзными заботами о собственном семейном гнезде.

Но в этой счастливой истории крылась личная горчащая деталь: меня на свою свадьбу они так и не пригласили. Этот глухой, непонятный факт меня очень глубоко задел и ранил. Я стал сознательно отдаляться от их молодой семьи, и заходить к ним в гости мне хотелось всё реже и реже.

А вскоре в общежитии разнеслась ещё одна важная новость — Моника забеременела их первенцем, Алексеем.

Привычные студенческие будни с их бесконечными лекциями и зачётами молодому семейству пришлось временно поставить на паузу. Моника оформила официальный декретный отпуск, а Павел, как настоящий и надёжный мужчина, принял твёрдое решение быть каждую секунду рядом с женой и новорождённым малышом — он тоже взял академиче-

ский отпуск. Они спешно собрали свои скромные студенческие пожитки в чемоданы и на некоторое время полностью исчезли из моей повседневной университетской жизни.

Комната в общежитии, где Моника ещё недавно так искусно хозяйничала и создавала домашний уют из простых продуктов, опустела. Я остался один на один со своей учёбой, воспоминаниями о нашем армейском братстве и той девушке в летящем белом платье с цветком в волосах, которая навсегда осталась запечатлена на моих фотографиях. Это была пауза — тихая, немного грустная.

Впрочем, впереди нас ждало ещё немало крутых поворотов, и судьба ещё не раз пересечёт наши дороги. Моя история с Павлом и Моникой была далеко не окончена. Но об этом — позже.

Глава 3. Первая любовь: Лидия, Тоня и 23 февраля

Эпизод 1. Появление Лиды

С уходом Павла и Моники в вынужденный академический отпуск длинные коридоры общежития Симферопольского государственного университета на мгновение показались мне абсолютно пустыми и сиротливыми. Но студенческая жизнь, как известно, не терпит вакуума. Вскоре друзья познакомили меня с первокурсницей, которая в одночасье перевернула весь мой привычный мир. Её звали Лидия Орлова.

Лида была потрясающей. Тёплый, открытый взгляд светлых глаз, мягкие русые волосы с модной тогда прямой чёлкой и удивительно нежная, искренняя улыбка. На её портретах, где она позировала в уютном коричневом вязаном свитере, читалась какая-то необъяснимая, магнетическая глубина. Она была из тех редких девушек, что врезаются в память сразу и навсегда.

Лида честно, словно заранее предчувствуя лавину моих зарождающихся чувств, предупреждала меня с самого начала:

— Ты только не влюбляйся в меня, ладно? Ты... ну, не совсем в моём вкусе.

Она говорила это мягко, с улыбкой, но я уже физически не мог ничего с собой поделать. Это была моя первая настоящая, осознанная любовь. Она пришла внезапно и с такой сокрушительной силой, что мгновенно затмила собой и воспоминания о бальном паркете, и всех остальных девчонок университета. Наш роман оказался недолгим, но ослепительно ярким. Лида бережно украсила свою комнату мерцающими ёлочными гирляндами — они создавали мягкое, интимное освещение и дарили особое чувство уюта. Каждый вечер, проведённый вместе, казался бесценным подарком. Мы подолгу гуляли, слушали музыку и часто поднимались на плоскую крышу нашего общежития, откуда открывался завораживающий вид на вечерний Симферополь, далёкие огни новостроек и подёрнутую сизой дымкой гладь водохранилища. Там, наверху, укутавшись в зимние куртки от пронизывающего ветра, мы чувствовали себя на самом настоящем «седьмом небе».

Эпизод 2. Скрытый взгляд Тони

Рядом с Лидой почти всегда находилась её близкая подруга — тоже первокурсница Тоня Беспалова. Темноволосая, с пышной каскадной причёской, выразительным макияжем глаз и кокетливым, ироничным взглядом, Тоня составляла резкий, контрастный тандем мягкой и спокойной Лиде. На фотографиях, где они позировали вдвоём, нежно обнявшись, или звонко смеялись на крыше на фоне высотного здания, они выглядели абсолютно неразлучными.

Но в этой весёлой студенческой компании существовала своя, скрытая от посторонних глаз геометрия. Тоне я, как выяснилось позже, искренне и глубоко нравился. Её задевало и ранило то, что из двух подруг-первокурсниц мой безоговорочный выбор пал не на неё, а на Лиду. Тоня искусно скрывала обиду за весёлым смехом и дружескими разговорами, но её женское самолюбие было уязвлено. В те дни никто из нас даже близко не догадывался, какую колоссальную роль эта скрытая, затаённая симпатия сыграет в нашем общем будущем.

Эпизод 3. Перечёркнутый праздник и коварная лестница

Всё рухнуло в один день, аккурат в День защитника Отечества. Двадцать третьего февраля Лидия тихо, но убийственно уверенно произнесла слова, которых я панически боялся больше всего на свете:

— Мы должны расстаться.

Она стояла, хрупкая, прислонившись к оконной раме в комнате, грустно улыбалась и смотрела куда-то вдаль, за стекло. Мир, ещё вчера казавшийся нерушимым, в одночасье разлетелся на мелкие осколки. Я прекрасно понимал, что она честно предупреждала меня об этом в самом начале, и с моей стороны не могло быть никаких обоснованных претензий, но внутри всё равно было невыносимо больно и обидно. Несмотря ни на что, мы втроём всё же решили отметить праздник, чтобы не портить вечер окончательно.

Внутри у меня бушевала настоящая буря. Оглушённый внезапным разрывом, сходя с ума от неразделённой любви к девушке, которая сидела прямо напротив меня, я впервые за долгое время сильно перебрал с алкоголем. Выпивка не принесла долгожданного облегчения, а лишь притупила бдительность и координацию.

Уже поздним вечером, покидая их девичий этаж, я осту-

пился на крутой лестнице общежития. Нога резко подвернулась, и жуткая, ослепляющая боль мгновенно пронзила голеностопный сустав. Это было тяжелейшее растяжение связок. Сильнейшая физическая боль странным образом заглушила боль сердечную, но эта травма навсегда осталась со мной как осязаемое напоминание о крахе моей первой любви. Повреждённая нога давала о себе знать ещё добрых десять лет, уныло поднывая к каждому дождю и напоминая о холодном симферопольском феврале 1986 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.